

наиболее многочисленную категорию лиц, причастных к существованию такого осуждаемого мировым сообществом явления, как пытки.

Итак, анализируя уголовное законодательство Украины и сравнивая с международными нормативными правовыми актами, возможно сделать вывод, что национальное законодательство не отвечает требованиям относительно имплементации норм о запрете пыток. Поэтому будет уместным и обязательным приближение нормы национального законодательства к стандартам международного для устранения противоречий.

УДК 341.64

О.В. Качалова

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Большое значение в сфере обеспечения прав человека в странах – членах Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) играет Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Он является специальным судебным органом, осуществляющим конвенционный контроль, который строго ограничен рамками тех основных прав и свобод, которые закреплены Европейской конвенцией и Протоколами к ней.

Для ЕСПЧ характерен новый тип юридического видения мира – европейского конституционного мировоззрения. В своих решениях он определяет правила понимания смысла тех или иных норм Европейской конвенции. Вопрос о том, было ли в каждом отдельном случае нарушено право, предусмотренное той или иной статьей Европейской конвенции, всегда определяется с учетом конкретных обстоятельств дела и личности заявителя. Анализ решений ЕСПЧ, принятых по делам в отношении России и других государств – участников Конвенции, позволяет определить основные общие условия, в соответствии с которыми формируются правовые позиции данного судебного органа.

Основной критерий, определяющий суть решений ЕСПЧ, – ориентир на соблюдение основных прав и свобод человека, закрепленных Европейской конвенцией и Протоколами к ней. Единообразная практика и единые шаблоны в практике ЕСПЧ отсутствуют. В связи с этим нередко приходится слышать о непоследовательности и противоречивости решений ЕСПЧ, а иногда и двойных стандартах. Так, ЕСПЧ не признавал надзорный пересмотр эффективным средством национальной правовой защиты,

указав, что отмена решения в надзорном порядке может создавать проблемы правовой определенности (Брумареску против Румынии (1995), Рябых против России (2003) и др.). Однако в деле Никитин против России (2004) ЕСПЧ не усмотрел нарушения права на справедливое судебное разбирательство ввиду нарушения принципа правовой определенности.

В понимании ЕСПЧ понятие справедливого судебного разбирательства невозможно свести к одному неизменному критерию, поскольку оно зависит от особенностей конкретного дела и имеет субъективный характер. Так, в деле Х. против Франции (1992) заявитель был болен гемофилией и скончался за месяц до вынесения ЕСПЧ решения. Ему было сделано несколько переливаний крови, и с зараженной кровью занесен ВИЧ. Х. подал иск, требуя компенсации у национальных властей. К моменту рассмотрения дела ЕСПЧ процесс длился уже более двух лет. Суд постановил, что, несмотря на то, что власти не создавали необоснованных задержек, они должны были действовать с исключительной осмотрительностью, поскольку предполагаемая продолжительность жизни заявителя была значительно сокращена в связи с его заболеванием. ЕСПЧ отметил, что органами государственной власти не было использовано все их влияние для ускорения судебной процедуры, и признал факт нарушения ст. 6(1) Европейской конвенции.

Применимые к делу правовые подходы соотносятся с культурной средой соответствующего государства и общеевропейскими ценностями. Так, в делах Ерегин против России (2012), Борисов против России (2012) не было признано нарушений права на справедливое судебное разбирательство, так как заявители не проинформировали российские власти о своем желании лично присутствовать в судебном заседании кассационной инстанции. ЕСПЧ счел, что своим поведением они косвенно отказались от права осуществлять свою защиту лично в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Решения ЕСПЧ всегда в своей основе учитывают конкретные обстоятельства каждого дела: личность заявителя, характер и размер причиненного вреда, действия национальных властей и самого заявителя и т. п. Так, если заявитель не сообщил суду о каких-либо обстоятельствах, препятствующих подсудимому эффективно участвовать в процессе, суд не несет ответственности за неэффективность участия обвиняемого в деле (сниженность слуха, нахождение под воздействием лекарств и пр. (Стенфорд против Великобритании (1994) и др.). Важным критерием, определяющим позицию ЕСПЧ, является степень нарушения соответствующего права, закрепленного Европейской конвенцией и Протоколами к ней. Протоколы № 14 и 15 к Конвенции устанавливают

новый критерий приемлемости жалоб, согласно которому ЕСПЧ объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, если он сочтет, что заявитель не понес значительный ущерб, если только принцип уважения прав человека, как они определены в Конвенции и Протоколах к ней, не требует рассмотрения жалобы по существу.

В каждом конкретном случае в основе решений ЕСПЧ лежит попытка определения разумного баланса между интересами правосудия и интересами конкретного лица с учетом конкретных обстоятельств дела. Так, вопрос о том, требуют ли интересы правосудия предоставления безвозмездной юридической помощи, в основном зависит от серьезности и сложности дела и того, что грозит обвиняемому. В деле Энджел и другие против Нидерландов (1976) ЕСПЧ признал соответствующим интересам правосудия предоставление обвиняемым, проходящим по военному дисциплинарному разбирательству с очень простой фактической базой, возможности защищать себя лично и обеспечение им юридической помощи лишь при рассмотрении правовых вопросов на стадии апелляции. В деле Моннел и Моррис против Великобритании (1987) отказ в предоставлении правовой помощи при подаче апелляции, которая не имела объективных шансов на успех, также был признан соответствующим интересам правосудия. В противовес этому, в деле Пакелли против Германии (1983), когда при рассмотрении апелляции возникли существенные правовые вопросы, ЕСПЧ посчитал, что интересы правосудия требовали предоставления бесплатной юридической помощи.

По усмотрению ЕСПЧ в ряде случаев могут допускаться некоторые ограничения прав и свобод человека, закрепленных Конвенцией. Эти права не всегда являются безусловными. Так, в прецедентной практике ЕСПЧ известны случаи правомерного ограничения права на защиту, не признаваемые нарушениями норм Европейской конвенции: ограничения права личного участия в рассмотрении дела судом в интересах безопасности при предоставлении возможности следить за ходом процесса посредством видеоконференцсвязи, отказ на предоставление правовой помощи в суде апелляционной инстанции ввиду бесперспективности судебного процесса для осужденного, ограничение права на бесплатную юридическую помощь и т. д.

Одним из важнейших ориентиров для формирования позиции ЕСПЧ является эффективность и реальность обеспечения прав и свобод человека национальными властями. ЕСПЧ не раз подчеркивал, что права человека должны обеспечиваться не формально, а реально, эффективно и с учетом конкретных обстоятельств каждого уголовного дела, а каждый человек имеет право на «практическую и эффективную», а не «теоре-

тическую и иллюзорную» правовую помощь. Так, нарушениями было признано непредоставление другого бесплатного адвоката, несмотря на явное бездействие назначенного адвоката (Сахновский против России (2010), Чекалла против Португалии (2002), Триподи против Италии (2001)). В деле Сийрак против России (2014) защитник отсутствовал в кассационной инстанции, заявитель участвовал без защитника посредством видеоконференцсвязи, а обвинитель участвовал лично, что было признано нарушением права на защиту.

Решения ЕСПЧ по каждому делу не являются безусловным образцом для правоприменителя с точки зрения оценки конкретных обстоятельств и событий, однако могут быть использованы как ориентир в выработке нестандартных неформализованных подходов к оценке обстоятельств, имеющих значение для дела.

УДК 342.7

Е.В. Киричѐк

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА – СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Вопросы обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина никогда не относились к сугубо академической проблематике, однако их последовательное научное разрешение всегда имело существенное методологическое значение для политической системы общества.

Конституционные права и свободы человека и гражданина в значительной степени могут реализовываться не только на имеющемся потенциале материального и духовно-культурного начал, но и реальной действенности органов власти, а также социальной активности самих граждан и их объединений. Ведь одно дело – разговоры о явлениях, в своем роде увлекательных, окруженных ореолом значимости и таинственности, а другое дело – реальное воплощение их в жизнь.

Обеспечение прав и свобод человека в Российской Федерации – это не второстепенная вспомогательная задача преобразований, осуществляемых в обществе и государстве, а их основная цель, причем стратегическая, призванная изменить положение человека, создать ему достойные условия жизни, гарантировать свободу, личную неприкосновенность, социальную защищенность, активное участие в политических процессах.